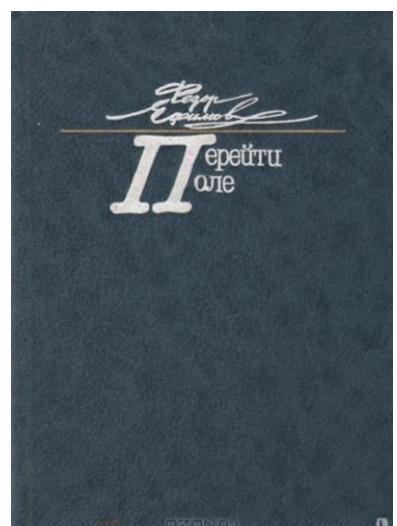

ФЕДОР ЕФИМОВ (1933-2003). ЖИЗНЬ «С СОВЕСТЬЮ НАЕДИНЕ»

Фёдор Архипович Ефимов (псевдоним Ф. Архипов) – поэт и переводчик. Родился 5 мая 1933 года в селе Новотроицкое Терновского района Воронежской области, в семье колхозников. Его отец, Архип Николаевич погиб в 1942 году на фронте во время Великой Отечественной войны, мать Екатерина Васильевна работала в свекловичном звене местного колхоза. В семье было восемь детей. Все члены семьи были заняты в сельском хозяйстве. В годы войны Федор пошел учиться в первый класс Новотроицкой семилетней школы. С отличием окончил начальную школу. Учился с первого класса отлично. Кроме учебы всегда помогал матери по дому и в колхозе. Рос он крепким, здоровым, любознательным мальчиком.

После окончания четырех классов мать определила Федора как сына погибшего фронтовика в Воронежское суворовское училище, которое в 1951 году он окончил с отличием. Во время учебы все свое свободное время он проводил за чтением художественной литературы. Самыми любимыми поэтами Федора были А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Блок, Демьян Бедный. Многие их стихи он знал наизусть. За прекрасный голос и хорошую дикцию он был зачислен в хор ансамбля военной песни и пляски гарнизонного Дома Офицеров. Тогда же стал читать со сцены свои первые стихи о военной службе и родном училище. Одно из них было напечатано в 1951 году в воронежской газете «Молодой коммунар». После успешного окончания в 1953 году Череповецкого военного пехотного училища у молодого офицера началась нелегкая, но почетная военная служба. В 1958 году он успешно окончил Центральные курсы политсостава в Смоленске. Двенадцать лет военной карьеры пронеслись незаметно. И все эти годы Федор Ефимов пишет стихи, которые посвящает не только военной службе, но и друзьям, родному краю.

С 1959 года его жизнь и военная служба проходили в г. Минске. В 1962 году по состоянию здоровья Ефимова комиссовали из армии, но в тот же год сбылась и его давняя мечта: он был зачислен на заочное отделение Литературного института имени Максима Горького в Москве. За пять лет учебы в институте он не только приобрел навыки, необходимые профессиональному поэту, но еще более укрепил в своей душе потребность того, что жило в нем с детства – писать стихи. После окончания института в Минске в процессе профессионального поэтического творчества увидели свет сборники стихов Федора Ефимова: «Армия» (1962), «Утренний автобус»

(1964), «Днём настоящим» (1972), «Светлые зимние ночи» (1982), «Подстепенье» (1995). Он постоянно печатался в «Немане» – ежемесячном литературно-художественном и общественно-политическом белорусском журнале, который издавался с 1952 года. Федор Ефимов имел и многолетний опыт поэта-переводчика. Благодаря его неустанной творческой работе русский читатель смог познакомиться с произведениями М. Богдановича, М. Танка, Д. Бичель-Загнетовой, Р. Бородулина, А. Пысина и П. Панченко. В сборнике «Что на сердце ложилось» Ефимов поместил избранные произведения белорусской поэзии. В 1969 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник стихов и песен Адама Русака в авторизованном переводе с белорусского языка Федора Ефимова. В 1970 году то же издательство выпустило сборник стихов поэта Сергея Дергая в авторизованном переводе с белорусского Ф. Ефимова.

При всей важности поэтических опытов Ефимова в молодые годы, литературное становление его как профессионального поэта происходило в годы учебы в литературном институте. Тогда же в творчестве поэта происходит процесс поиска методов обновления жанровой структуры, лирики. Для поэта характерны переходы из одного жанра в другой, трансформация отдельных произведений в синтетические жанровые формы. В поэзии Ф. Ефимова все сильнее звучат социальные мотивы. Послевоенные годы усиливают его раздумья над судьбой личности, ее зависимости от истории и общества. Именно в эти годы сознание Федора еще более властно захвачено Пушкиным. Он читал-перечитывал собрания сочинений великого поэта под редакцией С. А. Венгерова, изучал составленную Н. О. Лернером «Летопись жизни Пушкина». Пушкинское утверждение величия человека вдохновляло поэта на всем его творческом пути.

По творческому набору Ф. Ефимов был редким и уникальным автором. Сестра Александра вспоминает: «Неоднократно мне доводилось быть свидетелем того, как он работал круглыми сутками несколько дней. Причем не просто работал, а выкладывался. Два часа сна – и он готов к новому дню, полному разнообразных творческих напряжений, и так день за днем. По-моему, больше пяти часов он не спал никогда, кроме редких периодов полного расслабления, когда организм, казалось, освобождался от многомесячных накоплений усталости и сдержанности». В общении с людьми был сдержан, собран, тактичен, терпелив. Причем надо понимать, что это был человек с тонкой и остро чувствующей структурой поэта, чтобы в должной мере оценить то напряжение и самодисциплину, которую требовала эта внешняя, чуть хладнокровная сдержанность. А вот родные и друзья вспоминают Федора как человека преданного и нежного. У него был отдельный от всех его творческих талантов, ярко выраженный талант дружбы. Он делал для друзей много и умел принимать дружбу. Так, чтобы они были от этого счастливы.

Любовь Федора к родному краю, к земле, к природе – это чувство, которое он излагал стихами. С особой теплотой и любовью он посвящает стихи своей родной матери. Хотя он и мало учился в Новотроицкой школе, но это было началом всему, чего он достиг в жизни. Наверное, поэтому, он посвящает свои стихи Новотроицкой школе. Поэт был частым гостем в родной школе. Последняя встреча с поэтом здесь состоялась в ноябре 2002 года. Актовый зал был переполнен жителями села, учениками и учителями. Перед ними поэт-земляк прочитал свои стихи, которые только что вышли из печати. Ответил на многочисленные вопросы учащихся, посвященные его творчеству. Из беседы с ним земляки узнали, что на свою малую родину он приезжает с большой тревогой и радостью. Заряд энергии получает только от родной земли. Посе

щение тех мест, где прошло его детство, где живут родные, наполняло поэта приятными эмоциями. По этому поводу он как-то сказал: «Ностальгия по прошлому пронизывает теплом сердце». Затем Федор Архипович прочитал свои произведения, наполненные глубокими мыслями и сложными переживаниями. В них Федор Ефимов высказывал свое отношение к пе

рестройке и развалу СССР, к образованию независимых государств и последствиям этих перемен. Хотя большую часть жизни Ефимов прожил в Белоруссии, но, увы, признавался: «Я не чувствую себя гражданином Белоруссии, там я, не я». В конце встречи с земляками поэт обратился к присутствующим в зале с пожеланием любить свою Родину, наш край Новотроицкий, любить и уважать старших и своих родителей. С той поры прошло немало лет, но в Новотроицкой школе помнят о нем и читают его стихи. В 2018 году в материалах районной краеведческой конференции учеником этой школы Иваном Плотниковым (под руководством его учительницы Светланы Алексеевны Ламоновой) было опубликовано исследование о жизни и творчестве Ф. А. Ефимова. Были в нем использованы и такие строчки из его произведений:

Сам себя, без нужды обеляет,
И тем себя опровергает вновь,
Когда от ненависти отделяет
К Отчизне безграничную любовь.
Но как забыть соломенные вехи
Возок, деревню жалкой худобе
И врезанные в небеса навеки.
Здесь человек лишь снится сам себе.

Замечательную статью о Федоре Ефимове и его поэтическом сборнике «Перейти поле» (Минск, 1991) написал в 1994 году поэт и литературный критик Валерий Липневич. Несколько слов о нем. Родился 21 сентября 1947 года в Минске в семье служащих. Окончил филфак БГУ (1973). Работал лаборантом в Институте физики АН БССР (1965-66), слесарем-сборщиком (1966-67), литсотрудником газет «Чырвоная змена» (1971-73), «Сельская газета» (1976-77), журнала «Рабочая смена» (1979-80). Печататься как поэт начал с 1970: журнал «Неман». Автор книг стихов: «Дерево и река». М., "Современник", 1988; «Трава и дождь». Минск, 1977; «Тишина». Минск, 1979; «Неведомая планета». Минск, "Мастацкая література", 1988. Переводит стихи белорусских, поэтов. Печатается как поэт и критик практически во всех литературных журналах Беларуси и России. Награжден премией журнала «Неман». Член СП Москвы (1993). В

В кругу семьи

настоящее время живет в Подмосковье. Вот что написал о нем Анатолий Аврутин: «Ещё Гёте в своих «Максимах и рефлексиях» говорил: «Оригинальнейшие писатели... оригинальны не потому, что они преподносят нам что-то новое, а потому, что они умеют говорить о вещах так, как будто это никогда не было сказано раньше». Это целиком относится и к стихам Валерия Липневича. Нужно обладать поэтической зоркостью, чтобы так, например, сказать о приходе весны:

Выворачивает март
твой белый полуушубок,
зима,
грязным мехом наружу.

Или о бабочке, проснувшейся в зимний день и обреченно застывшей на оконном стекле:

Она из красно-желтого листа,
обведенного черным.
Будто в траурной рамке
девичья фотография осени.

Свою статью «Стоять на своем» критик Валерий Липневич начал со слов: «5 мая русскому поэту Федору Ефимову, живущему в Беларуси, исполнилось 80 лет». А вот и сам ее текст:

«Легкое чтение — особенно в поэзии — самое неблагодарное. Легкое чтение заведомо рассчитано на некий «кайф», литература превращается в наркотик. И, как любой наркотик, она выключает человека из реальности, превращая его или в «машину любви», или в «машину интеллекта». Безусловно, подобному превращению в какой-то степени способствует сама жизнь, но литература фиксирует это, тиражирует. Тем самым углубляя русло, свернуть с которого становится все невозможней. Такая литература выполняет вечный социальный заказ превращения человека — эту «эволюцию, осознавшую самое себя» (Дж. Хаксли) — в механизм, легко управляемый и программируемый. Человек-робот, исправно голосующий, работающий, платящий налоги, размножающийся, — мечта любого государства. И в нем, как утверждал Платон, последовательный в своем логицизме, для поэтов нет места. Ведь поэт — это антиробот, это хранитель личности, тех неоспоримо человеческих прав и высоких, самим на себя возложенных обязанностей, ощутить которые в себе удается далеко не каждому. И поэтому читательская любовь к поэту — это прежде всего любовь к самому себе, возможному, но так и не реализованному в полноте своих жизненных проявлений.

Читая и перечитывая книгу стихотворений Ф. Ефимова, еще раз убеждаешься: «Перейти поле» — чтение трудное. Невозможно одним махом преодолеть тот путь, на который автору понадобилось два десятилетия. Два десятилетия заключения в себе самом, «с совестью наедине», во внутренней эмиграции, «чужеземцем родной земли», в тихом, но непоколебимом противостоянии.

По какой бы ни брел из дорог,
от каких ни шагал бы развилий,
выходило всегда поперек —
слову, делу, идее, силе.

Все разумное в конце концов становится действительным. И поэтому перестраиваться Ефимову не пришлось. Во всяком случае, тюрем и концлагерей, сменивших у наших борзописцев БАМы и новостройки, мы у Ефимова не найдем. Как и прочих атрибутов «пере-

строечной поэзии»: истеричного покаяния, «тотального производства вины», морализма, религиозности, постмодернистского распада формы и содержания — в общем, всего, чем отмечено сумеречное сознание нашего мутного времени. Поэт всегда оставался самим собой. Ничто не мешало ему протестовать против ввода войск в Чехословакию, посыпать письмо в поддержку Солженицына или, например, уже в наше время выступить с атеистическим памфлетом, а также с критикой солженицинского обустройства России.

Навоз иррационализма, скопившийся в авгиевых конюшнях застоя, благоухает на полях массового полу-интеллигентского сознания. Традиционные религии, нетрадиционные, теософствующие, перихнувшиеся, экстрасенсы, летающие тарелки, вчерашние коммунисты с крестиками на шее — все это симптомы затянувшегося неблагополучия общества, слишком долго укрытого от ясного и очищающего света разума. Сегодня иррациональная стихия берет реванш за вчерашнюю рациональную догму, брезгливо воспарившую над реальностью.

Торжествующий «навоз» рассчитывается за вчерашние претензии засиженной мухами лампочки на полномочное солнечное представительство. Рациональная картина мира прежде всего трудна, и особенно сегодня. Зачастую она не под силу и самим ученым, расползшимся по отдельным норкам, она требует постоянной духовной работы, которая под силу очень немногим. В этой картине нет места для утешающего послабления и снисхождения к человеческим слабостям. Крупицы истины, добываемые самоотверженным трудом единиц, не приносят утешающего успокоения, но побуждают к дальнейшему действию, к мужественному противостоянию с миром. Глубины бытия, открывающиеся свободному разуму, единственное утешение, достойное человека. «Нас опекает знание, как мать», — говорит поэт. Хочется добавить: подлинное знание. И когда его не хватает, когда мы топчемся, затаптывая обретенное на очередной ступеньке познания, именно тогда «незнанье дарит нам надежду». Незнанье — то есть вера, в том числе и религиозная.

Человек нуждается в постоянно действующей системе ориентации и объектах поклонения. И когда отказывает рациональная, включается мифологическая. Тем более что на уровне массового сознания, на уровне толпы — а она-то и правит миром — мифологические структуры действуют постоянно. Все, что падает в толпу, становится религией, а магма истины остывает и становится мифом. Ведь человек — животное слабое, ограниченное, страдающее. А знание не только умножает печаль, но и углубляет бездны незнания, постоянно расширяя пропасть между разумом и инстинктом, постоянно угрожая цельности человека, который, будучи существом многослойным, колеблющимся, при слабом свете разума готовносносить жертвы любому идолу (в том числе и идолу рынка). В сущности, книга Ф. Ефимова — роман воспитания разума, обстоятельный дневник духовного созревания советского — да! — интеллигента, воспитанного высокой риторикой, искренне верящего в слова, которые вынуждены были тиражировать власть имущие: нелегко закрыть шлюзы, открытые революцией и оплаченные кровью.

Духовное движение автора-героя можно определить как спуск с безжизненных вершин идеологических схем к «милой теплоте жизни», которая при любых идеологиях, к счастью, остается сама собой и с одинаковым трудом отстаивает себя и защищает.

Спасибо, жизнь, за то, что ты мой лик
ото всего большого отвратила
и понимать негромкий научила
подножной, малой красоты язык.

Здесь, пожалуй, уместно заметить, что движение к «милой теплоте» и «подножной

малой красоте» происходило в стихотворениях Ефимова не без белорусского влияния: непосредственно через пейзаж (он у поэта, уроженца степей, всегда белорусский, всегда соразмерный человеку), а также опосредованно, через белорусскую поэзию, которую Ф. Ефимов переводит и критикует уже четверть века. Белорусская поэзия никогда не грешила казенным трубадурством, в ней всегда за любыми декорациями виднелся обычный человек, живущий обычной жизнью, с ее обычными и вечными радостями и заботами. Возможно, также от белорусской поэзии очень много у поэта точных, по-протокольному, примет реальности. В стихотворениях Ф. Ефимова двери быту распахнуты широко: кухоньки, низкие потолки, пятиэтажки, скамееки у подъездов, фонари, кошки, пустые бутылки — в общем, «хрущобы эпохи развитого социализма». Но у поэта нет к ним особых претензий, это его мир, данный в ощущениях, другого нет, и уже больше не будет. Это всего лишь внешний фон, примета времени, не более («Нету в мире адреса для гнева, для обиды — слишком он далек»). Поэт не превращает его в декорации театра абсурда. Ведь он поэт и живет внутренним. А внутренние сокровища неисчислимы — Пушкин и Герцен, Баратынский и Тютчев, Цветаева и Ахматова, Твардовский и Солженицын. В общем, духовный пейзаж, привычный для поколения шестидесятников. Из белорусских поэтов дополняют его — А. Пысин, М. Стрельцов, Р. Бородулин.

Расширение реальности в стихотворениях Ф. Ефимова за счет бытовых деталей и бесконечных подробностей мира — это прежде всего попытка схватиться за нечто неоспоримо существующее, подлинное, не отравленное словесным, идеологическим дурманом. Так человек на отвесной скале цепляется за мельчайшие выступы и трещины — только бы не сорваться, только бы ощущать всем телом спасительную шероховатость бытия. Чтобы изо дня в день, по миллиметру, подниматься к своей вершине — «звезд не схватил, но и правды не предал, а это сегодня, пожалуй, важней».

Из исторических событий, ставших событием духовной жизни, следует прежде всего упомянуть Великую Отечественную, круто изменившую жизнь мальчишки из воронежского села. «Все праздники возникли без меня, а этот на глазах. Ему я верю». В сущности, это проявления все того же «невроза достоверности», до сих пор присущего нашему сознанию. Хотя в сегодняшнем мире, перенасыщенном информацией, у этого невроза уже планетарный размах. Человек все больше склонен верить только тому, что сам видит и чувствует — без посредников.

Пробным камнем для поколения шестидесятников стала Чехословакия. «Пускай забудут чехи и словаки, я не забуду, не прощу». Думаю, что «чехословацкий невроз» наших шестидесятников все же в большей степени от их глобальной наивности, в том числе и политической, от веры в некие идеальные нормы политической жизни и борьбы. Но для «души» существуют еще любимые лунные ночи, смена времен года, дожди и снегопады, поле, лес, луг. Споры с друзьями — ожесточенные, ибо истина дороже. И сосредоточенное одиночество. Для того чтобы сохранить себя, чтобы настоять на своем, врезать свою ноту в многоголосие мира — ведь большей задачи и нет у поэта. Читая и перечитывая стихотворения Федора Ефимова, отмечая и без подсказки автора «трезвый тон и взгляд своеобычный», еще раз убеждаешься, что интеллигентность — обостренное чувство сознания — качество еще более редкое, чем талант.

Обостренность сознания, ясность зрения, которое никогда не изменяли поэту, в наши дни уже не просто залог истинной картины мира: «защищал я всего лишь истину». Духовный опыт выживания одиночки, добывший в тоталитарном государстве — самом последовательном в своей государственности, — необходим сегодня (сарказмы истории постоянны) для выживания миллионов в демократическом.

Увы, связь времен не распадается: все остается людям. И если еще недавно «жующий плавленый сырок» мечтал о переменах и свободе, то сегодня свободный мечтает о стабильности и плавленом сырке. Да уж, действительно: «телевизор один навевает человечеству синие сны». Но — последняя цитата — «всегда есть небо, есть куда смотреть, когда вокруг смотреть невыносимо». В благодатной и спасительной тени белорусской литературы, в сторонке от пыльных и ухабистых дорог современной литературы вырос поэт, прочно связанный с русской классикой, с ее пушкинскими и тютчевскими традициями, с ее трезвым и беспощадным взглядом на мир. Имя этого поэта — Федор Ефимов».

• ОБРЕТЕННЫЕ ВНОВЬ ИМЕНА •

Авторский проект
члена Союза писателей Беларуси,
профессора-историка, публициста, краеведа
Валерия ЧЕРЕПИЦЫ
на сайте Гродненского областного отделения СПБ www.pisateli.by

Для справки:

ЧЕРЕПИЦА Валерий Николаевич родился 1.01.1945 г. на Брянщине. Советский и белорусский историк, педагог, краевед, публицист и общественный деятель. Кандидат исторических наук (1979), профессор (1991), академик Петровской Академии наук и искусств (2014), преподаватель Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. С 2019 года является преподавателем кафедры социально-гуманитарных наук ГрГМУ. Автор более 500 научных публикаций и двух десятков книг исторической публицистики. Член Союза писателей Беларуси. Лауреат Премии имени А.И.Дубко за достижения в сфере культуры и искусства в номинации «Писатель года» (2012). Награждён орденом Франциска Скорины. Живёт в Гродно.

